

На правах рукописи

Труфанова Елена Олеговна

Субъект и познание в мире социальных конструкций

Специальность 09.00.01 – онтология и теория познания

АВТОРЕФЕРАТ

Диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук

Научный консультант:
доктор философских наук,
профессор,
академик РАН В.А.Лекторский

Москва, 2017

Работа выполнена в секторе теории познания Института философии РАН

Научный консультант:

Лекторский Владислав Александрович – доктор философских наук, профессор, академик РАН, главный научный сотрудник Института философии РАН

Официальные оппоненты:

Порус Владимир Натанович – доктор философских наук, ординарный профессор, руководитель Школы философии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Никитина Елена Александровна – доктор философских наук, профессор кафедры философии, социологии, политологии Московского технологического университета (МИРЭА)

Даниелян Наира Владимировна – доктор философских наук, профессор кафедры философии, социологии, политологии Национального исследовательского университета «Московский институт электронной техники»

Ведущая организация: Московский педагогический государственный университет, кафедра философии

Защита состоится «___» _____ 2018 г. в _____ часов на заседании Диссертационного совета Д 002.015.03 Института философии РАН по адресу: 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д.12, стр.1, зал заседаний Ученого совета.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института философии РАН.

Автореферат и диссертация размещены на официальном сайте Института философии РАН: https://iphras.ru/trufanova_eo.htm

Автореферат разослан «___» _____ 2018 г.

Заместитель председателя
Диссертационного совета
Д 002.015.03

д.ф.н. И.К. Лисеев

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования

Современный человек живет в мире, который отличается усложнением социального бытия, связанным с беспрецедентным увеличением коммуникаций и коммуникативных ситуаций, в которые человек вовлекается каждый день. Социальные отношения и роли, задававшие раньше жесткие рамки для любой человеческой деятельности, теперь становятся размытыми, социальные нормы становятся очень подвижными, постоянно пересматриваясь и трансформируясь. Взаимопроникновение культур в результате глобализационных процессов также приносит свой вклад, приводя к размыванию культурных образцов, традиций и т.д. Аналогичным образом размываются грани понятий социального класса, нации, культуры, гендера и др. Подобные социокультурные трансформации приводят к утрате человеком чувства реальности, множественные социальные конструкции скрывают объективную реальность, создавая ощущение, что объективной реальности либо нет вовсе, либо ее познание нам недоступно, и объектом познания всегда будут оставаться только сами социальные конструкции, диктуемые теми общественными отношениями, в которые включен человек. Одновременно с этим сам субъект познания начинает представляться размытым, неустойчивым, личностная идентичность человека оказывается под постоянной угрозой кризиса. Подобные обстоятельства способствуют распространению антиреалистских и релятивистских концепций в эпистемологии, делающих акцент на примате социального, утверждающих, что кроме знания социальных конструкций никакое иное знание нам недоступно. Эту ситуацию иногда определяют как

«социальный поворот» в эпистемологии. Данные концепции получают широкое распространение – это радикальные версии социальной эпистемологии, феминистская эпистемология и феминистская философия науки, прочие так называемые «альтернативные» эпистемологии и ряд других концепций и подходов, основная суть которых наиболее емко и радикально выражена в таком направлении в современных социогуманитарных науках как социальный конструкционизм. Это направление критикует либо пересматривает ключевые понятия, разработанные в классической эпистемологии – субъект, знание, истина, реальность, объективность и т.д., иногда предлагая вовсе отказаться от них как от утративших свою полезность социальных конструкций. Проведение анализа подобных критических представлений становится актуальной задачей, поскольку от этого зависят как дальнейшие перспективы развития современной теории познания и философии науки, так и судьба множества фундаментальных понятий европейской культуры. Одновременно с этим необходимо понять, какие социокультурные трансформации вызывают к жизни подобные подходы и как распространение последних, в свою очередь, влияет на изменения социокультурной ситуации, поскольку исследуемые вопросы имеют не только научно-теоретические, но и практические последствия, которые могут получить свое развитие в различных социальных, политических и культурных процессах. Обсуждаемые в данном исследовании проблемы – это центральные проблемы современных эпистемологических дискуссий, которые, тем не менее, не являются чисто академическими, но напрямую связаны с вопросами человеческого существования. В условиях возрастающего числа межнациональных и межкультурных конфликтов, поиски возможностей диалога между различными социальными группами, народами, цивилизациями являются первостепенной задачей, и основанием для подобного диалога может быть признание единой

реальности, которая объединяет всех людей, несмотря на многообразие создаваемых ими социальных конструкций.

Степень разработанности проблемы

В фокусе данного исследования находятся центральные эпистемологические проблемы – субъекта и познания в целом – рассматриваемые в ракурсе их соотношения с социальными конструкциями. Новой в данном случае является именно сама постановка проблемы в таком виде, но в то же время исследование опирается на обширную литературу, связанную в первую очередь с таким подходом в теории познания как эпистемологический конструктивизм, в частности – с одной из его специфических разновидностей – социальным конструкционизмом. Так, исследуемая проблематика прежде всего разрабатывалась в рамках дискуссий представителей социально-конструкционистского подхода и их оппонентов. Наиболее подробно принципы социального конструкционизма излагаются во множестве работ Кеннета Гергена и Мэри Герген, разъясняющих основы социального конструкционизма, в том числе затрагивающие эпистемологическую проблематику. Существует также ряд обзорных работ – прежде всего – учебные пособия В. Берр, работы Ф. Хибберт, Д. Вайнберга, Т. Хьельма, Д. Эльдер-Васса, Э. Локка и Т. Стронга, ряд работ Я. Хакинга, в которых он предлагает критический анализ самой идеи социальной конструкции и социального конструирования, различные коллективные труды, как правило, также написанные представителями самого направления социального конструкционизма. Некоторые ключевые работы – как коллективные, так и индивидуальные, включены в специальную посвященную конструкционистским исследованиям серию «Исследования в области социального конструирования» (“Inquires in Social Construction”), вышедшую в издательстве SAGE Publications в основном в 1990-2000-е гг., ответственными редакторами данной книжной серии выступали К.

Герген и Дж. Шоттер. Следует также отметить, что интерес к социальному конструкционизму достиг и Китая, где была опубликована работа Лиу Бао под названием «Социальный конструкционизм: новая философская парадигма».

Нужно подчеркнуть, что большинство из тех авторов, которых принято относить к социальным конструкционистам не являются представителями философии – это, прежде всего, специалисты в области социальной и клинической психологии и психиатрии (К. Герген, М. Герген, Й. Паркер, М. Биллиг, Дж. Шоттер, С. Китцингер, В. Уолкердин, Г. Херманса и др.), дискурсивной психологии и дискурс-анализа (Дж. Поттер, М. Уэзерелл, Д. Эдвардс), социологии (Н. Роуз).

Особняком стоят работы британского философа и психолога Рома Харре, придерживающегося реалистских позиций в философии науки, однако разделяющего социально-конструкционистский подход в отношении индивидуального субъекта и *Я*.

Данный список авторов и их работ не является исчерпывающим, подчеркнем, что акцент был сделан прежде всего на тех авторах и тех работах, которые представляют интерес именно для эпистемологического исследования.

Так, ключевые проблемы, которые интересуют нас в данном исследовании – проблема субъекта и проблема познания в соотношении с социальными конструкциями – рассматриваются в том или ином виде во всех упомянутых выше работах, можно отметить, однако, ряд текстов, специфически касающихся проблемы субъекта, предполагающих рассмотрение социального конструирования сознания и *Я*. Это работы К. Гергена, касающиеся переосмысления понятия *Я* в психологии, Дж. Шоттера и Г. Херманса, развивающих диалогические представления о *Я*, Т.Р. Сарбина, разрабатывающего нарративный подход, а также работы Р. Харре, разделяющего ряд положений социально-конструкционистского

подхода к Я и развивающего концепцию дискурсивного и лингвистического конструирования Я.

Среди исследований, рассматривающих проблемы, связанные с познанием в целом и, в первую очередь, с научным познанием, в рамках интересующей нас проблематики, следует в первую очередь упомянуть труды представителей феминисткой философии науки и феминистской эпистемологии – Д. Харауэй, С. Хаслангер, С. Хардинг, К. Гиллеган, Э. Келлер и др. В этих работах рассматривается неполнота, ошибочность и ангажированность существующей эпистемологии и философии науки, критикуются такие понятия как истина и объективность, как присущие европейской маскулинно-ориентированной науке, и взамен им предлагается концепция «ситуационного знания».

Также к исследуемой теме относятся дискуссии между реалистами и социальными конструкционистами, зачастую выступающими как антиреалисты. Литература, касающаяся реалистских-антиреалистских дебатов достаточно обширна, поэтому стоит остановиться лишь на ряде имен, наиболее тесно связанных с идеей социального конструирования, в частности, к ним относится ряд представителей социологии научного знания и STS (Science and technology studies). Среди сторонников реализма прежде всего можно упомянуть работы Я. Хакинга (автора концепции референциального реализма (entity realism)), С. Брока и Э. Мэйрса, А. Кукла, П. Богоссяна. Стоит также упомянуть скандальную публикацию А. Сокала и его собственное ее разоблачение, а также последовавшую книгу Ж. Брикмона и А. Сокала с критикой «когнитивного релятивизма» постмодернистов. Среди критиков научного реализма, помимо упомянутых выше феминистских авторов можно назвать Э. Пикеринга – автора идеи социального конструирования кварков, К. Кнорр-Цетину, авторов «сильной программы» в социологии научного знания Б. Барнса и Д. Блур. Отдельно следует отметить работы Б. Латура и С. Вулгара (Латур в ходе эволюции его философских взглядов предлагал аргументы,

которые можно использовать то в защиту одной, то в защиту другой позиции в рамках данных дебатов). Социальные конструкционисты сами делали попытки проанализировать свое место в дискуссиях о реализме, антиреализме и релятивизме, в частности, можно отметить коллективный труд под редакцией Й. Паркера с предисловием Р. Харре. Дискуссии по проблеме реализма, и, в частности, критику понятий истины и объективности подробно рассматривает и анализирует Э. Агацци.

В целом, несмотря на то, что работы социальных конструкционистов достаточно многочисленны, они практически отсутствуют в переводах на русский язык, что приводит к трудностям в вычленении направления социального конструкционизма из конструктивистского направления в целом в отечественной научной литературе. Можно отметить единственный русскоязычный сборник, посвященный исключительно социальному конструкционизму – «Социальный конструкционизм: знание и практика», вышедший в Минске в 2003 г., который представляет собой собрание избранных статей К. Гергена в переводе А.М. Корбута и под редакцией А.А. Полонникова – белорусских исследователей, написавших также вступительные статьи к этому сборнику. В некоторых философских и психологических журналах также можно встретить переводы отдельных статей таких авторов как К. Герген, Р. Харре, Дж. Шоттер, но это скорее исключение. Лишь недавно появился перевод на русский язык одной из монографий К. Гергена «Социальная конструкция в контексте» (пер. с англ. Ю.С. Вовк и А.А. Киселевой), изданный в Харькове пятнадцать лет спустя после выхода оригинала.

В отечественной философской литературе практически отсутствуют систематические исследования, специально посвященные проблеме социальных конструкций и социального конструирования субъекта и познания в том виде, в каком это рассматривается в рамках социально-конструкционистского подхода. Также следует еще раз подчеркнуть тот момент, что в большинстве отечественных работ не делается различий

между социальным конструкционизмом и социальным конструктивизмом, из-за чего специфика социального конструкционизма оказывается невыявленной. Наиболее подробно данная проблематика разработана в отечественной психологии, что вполне объяснимо, учитывая дисциплинарную принадлежность большинства из представителей социально-конструкционистского подхода. В отечественной психологии данный подход анализируется в работах А.М. Улановского, Д.А. Леонтьева, А.В. Юревича, В.Ф. Петренко, В.В. Знакова, М.С. Гусельцевой, Т.В. Корниловой, А.Л. Журавлева, Ю.Б. Турушевой, Н.П. Бусыгиной, Е.П. Белинской и др. Среди перечисленных авторов есть и сторонники социально-конструкционистского подхода, и его критики. В 2004-2007 гг. Ф.И. Барским и Д.А. Кутузовой издавался сетевой журнал «Постнеклассическая психология. Социальный конструкционизм и нарративный подход», в котором публиковались как статьи отечественных авторов, так и – в первую очередь – переводы текстов основных представителей социального конструкционизма и близких к ним авторов – К. Гергена, Т.Р. Сарбина, Дж. Брунера и др.

Что касается философии, то конкретно социально-конструкционистского подхода и анализа его понимания субъекта и познания отечественные философы касались достаточно редко. Проблематика научного познания – в частности, дискуссии реализма и антиреализма в науке, проблема релятивизма, проблема объективности в науке, различные аспекты социологии научного знания и STS, конструктивистский подход в целом, а также некоторые идеи конструкционистов и конструктивистов рассматривались, прежде всего, В.А. Лекторским, а также И.Т. Касавиным, Е.Н. Князевой, В.Н. Порусом, О.Е. Столяровой, Ю.С. Моркиной, Е.Л. Чертковой, Е.А. Мамчур, Н.М. Смирновой, Б.И. Пружининым, М.А. Розовым, В.П. Филатовым, В.М. Розиным, З.А. Сокулер, Н.В. Даниелян, Л.А. Микешиной, С.А. Цоколовым, А.Ю. Антоновским, Л.В. Шиповаловой, Н.А. Лукьяновой,

Н.И. Мартишиной и др. Свое понимание конструктивизма в науке и философии, близкое к позиции конструктивного реализма, было предложено В.С. Степиным. Конструктивистский подход в целом, а также проблематика релятивизма и реализма в эпистемологии и философии науки также становились предметом специальных коллективных работ, в первую очередь – под редакцией В.А. Лекторского. Проблематика социальной эпистемологии, социологии научного знания и STS рассматривалась в ряде коллективных трудов под редакцией И.Т. Касавина. Близкие к социальному конструкционизму идеи относительно проблемы Я и идентичности развивает Е.Г. Трубина, проблемы единства и тождества Я и современные аспекты проблемы субъекта исследуются, в частности, В.Н. Порусом, Е.А. Никитиной.

Можно также упомянуть авторов, анализирующих проблематику феминистских исследований – О.А. Воронину, Н.С. Юлину, и др.

Также за последние годы был защищен ряд диссертаций, касающихся разных проблем в ракурсе социально-конструкционистского (как правило, называемого авторами социально-конструктивистским) подхода – это работы Н.В. Даниелян, Е.И. Шашловой, Н.С. Станкевич, М.В. Смагиной, П.Д. Абрамова, В.О. Богдановой и др.

Объектом исследования является современное эпистемологическое знание в ситуации так называемого «социального поворота» в эпистемологии и философии науки.

Предметом исследования являются проблема субъекта и проблема научного познания в контексте современных представлений о социальном конструировании сознания и познания.

Цели и задачи исследования

Основная **цель**, которая ставится в данной работе – обосновать необходимость сохранения реалистского отношения к субъекту и познанию, проанализировав весь комплекс взглядов социально-конструкционистского подхода и продемонстрировав, что предлагаемые им способы решения классических эпистемологических проблем не помогают преодолеть реальные трудности познавательного процесса, но напротив еще более затрудняют его адекватное понимание.

Для достижения этой цели необходимо решить следующие **задачи**:

1) уточнить понятие социальной конструкции, дать определение данного понятия, выявить различные виды социальных конструкций;

2) проанализировать истоки и генезис направления социального конструкционизма, прояснить отличие социального конструкционизма от эпистемологического конструктивизма и социального конструктивизма;

3) рассмотреть социально-конструкционистскую критику понятий субъекта, *Я* и идентичности, дать критический анализ представлениям о *Я* как социальной конструкции и сформулировать соответствующее современной ситуации представление о субъекте;

4) проанализировать социально-конструкционистскую критику научного познания (на примере феминистской эпистемологии и философии науки) и его ключевых понятий «истина», «объективность», «реальность», обосновать необходимость сохранения данных понятий для успешного развития науки;

5) проанализировать антиреалистские и релятивистские идеи социального конструкционизма в отношении объектов научного познания, обосновать преимущества реалистского подхода;

6) продемонстрировать актуальность реалистского подхода не только как темы и понятия эпистемологии и философии науки, но и как общечеловеческой культурной ценности.

Теоретическая и методологическая основа исследования

Методы, применяемые в исследовании, представляют совокупность общенаучных методов, характерных для гуманитарных и общественных наук – прежде всего, методы анализа и синтеза, систематизации, классификации, исторического анализа и др. В первую очередь используется инструментальный и категориальный аппарат эпистемологии и философии науки и техники. В рамках определения места социального конструкционизма среди других философских подходов применяется метод историко-философского исследования и компаративистский анализ. Собственно социально-конструкционистская методология используется для наглядной иллюстрации ключевых идей данного подхода. В связи с многоплановостью исследуемой тематики, необходимостью учитывать исследования как в области социогуманитарных, так и в области естественных наук, применяется междисциплинарный подход. Для прояснения ряда ключевых понятий исследования используются компаративистский подход и методика концептуального анализа. Автор диссертационного исследования придерживается позиции реализма в эпистемологии и философии науки (разделяя позиции конструктивного (Х. Ленк) и деятельностного (В.А. Лекторский) реализма) и основных положений деятельностного подхода.

Научная новизна

Научная новизна диссертационного исследования состоит в следующем:

- 1) Впервые в отечественной философской литературе осуществлена попытка дать определение понятию социальной конструкции и выявить разные типы таких конструкций;
- 2) Предложено оригинальное авторское понимание сложной структуры субъекта в современной философии;

3) В рамках анализа дискуссий реализма и антиреализма сформулирован новый ракурс рассмотрения этих проблем, демонстрирующий, что данная проблематика выходит за рамки эпистемологии и философии науки и становится проблемой совместного бытия людей, проблемой этической, социально-политической, антропологической. Реализм предложено рассматривать как необходимое условие для достижения взаимопонимания между людьми;

4) В отечественный научный оборот введена проблематика, находящаяся в фокусе внимания социального конструкционизма. Новизна заключается в том, что достаточно широко распространенные в западной философии социально-конструкционистские исследования сравнительно мало по сей день известны в отечественной философии.

Основные положения, выносимые на защиту

1) Представления о субъекте исключительно как о социальной конструкции (лингвистической, культурно-опосредованной и т.д.) являются необоснованными, поскольку все люди, независимо от языков и культур, обладают схожим опытом взаимодействия как с внешним миром, так и со своим внутренним миром. Сходство этого опыта обусловлено сходством возможностей человеческого взаимодействия с объектами окружающего мира и единой реальностью, с которой люди способны вступать во взаимодействие.

2) Социально-конструкционистский подход к личностной идентичности является полезным для переосмысления понятия субъекта без отказа от данного понятия. Сложность, размытость субъекта в современном обществе, социокультурные вариации понятия *Я* успешно объясняются именно через многообразие доступных индивиду идентификаций, которые, тем не менее, все привязаны к единой инстанции, в качестве которой выступает субъект.

3) Можно выделить три основных типа социальных конструкций – собственно социальные конструкции (социальные институты), социальные конструкции абстрактных понятий и социальные конструкции, приписывающие различные смыслы объектам материального мира. Проблематичность в соотношении реального и социально сконструированного возникает в связи со смешением между конструкциями разного типа. Это происходит в связи с тем, что в социально-конструкционистском подходе часто игнорируются различия между социальными конструкциями первого и второго типов (прямо не связанными с материальным миром, хотя и оказывающими на него влияние) и конструкциями третьего типа (в которых материальным объектам приписываются социальные смыслы).

4) Под социальным конструированием объекта в социальном конструкционизме часто понимается возникший в результате социальных интеракций способ говорения о данном объекте или его описания. Этот способ, в свою очередь, зависит от доминирующего дискурса – от сложившейся в обществе и «общепринятой» совокупности способов говорения о реальности в целом. В рамках такого подхода понятие социальной конструкции приобретает исключительно лингвистический характер, что влечет за собой ошибочное представление о том, что социальная конструкция представляет собой *только* способ описания, поменяв который, мы поменяем реальность. При этом игнорируется различие между описанием объекта и самим объектом, что приводит к утверждению о том, что все, что социально сконструировано «нереально» в том смысле, что оно не обладает объективным, независимым от используемых в обществе способов описания бытием. В то время как не только описываемые людьми объекты материального мира, изначально существующие независимо от человека, но и то, что было социально сконструировано, могут обладать самостоятельной реальностью (например, социальные институты нельзя изменить только изменением

слов, которые их описывают). Если же мы понимаем социальную конструкцию исключительно как определенную языковую практику, то следует говорить, что социальными конструкциями являются не субъект, Я, кварки и прочие объекты научного и философского познания, а лишь способы говорения о них, тогда как сами эти объекты реальны. Подобным образом понятыми социальными конструкциями являются наши описания данных объектов – но не их референты.

5) Знание о реальных объектах, в отличие от знания о социальных конструкциях никогда не является завершенным, всегда обладает неполнотой, допускает возможность быть дополненным, скорректированным или фальсифицированным. Несмотря на то, что мы воспитываемся, живем и работаем в рамках определенных ценностных установок, диктуемых нашей социокультурной ситуацией, наука способна преподносить нам сюрпризы, которые переворачивают наше представление о реальности. Если бы наука была только идеологической конструкцией, то она бы служила лишь консервации и сохранению текущей ситуации, тем не менее, она получает новое знание, которое может противоречить идеологической установке, разрушать ее.

б) Объективность науки является важной эпистемологической ценностью и поддерживается тем фактом, что научное знание, полученное исследователем с одними идеологическими/ культурными/ социальными обстоятельствами и установками, остается интерсубъективным, т.е. может разделяться исследователями с другими идеологическими/ культурными/ социальными обстоятельствами и установками. Вместо предлагаемого социальным конструкционизмом принципа равного «права голоса» для всех позиций следует говорить об интерсубъективности науки – ее результаты должны быть доступны всем, любой должен иметь возможность их проверить, верифицировать или опровергнуть. Научное знание именно потому получает более высокий статус, что оно вырабатывается в условиях жесткой конкуренции различных научных

теорий, сформулированных разными людьми в разных обстоятельствах, но в итоге (в результате многократных теоретических и эмпирических проверок) признанных в качестве наиболее адекватно объясняющих те или иные события, по крайней мере – на данном этапе развития науки, до появления более успешных теорий.

7) Значимость позиции реализма заключается в том, что дискуссии о реальности выходят за пределы области интересов эпистемологии и философии науки в сферу дискуссий о возможности взаимопонимания между людьми – представителями разных наций, культур, традиций, политических лагерей и т.д. Это дискуссии о том, как возможно взаимодействие с людьми, которые, в силу языковых, культурных, религиозных и прочих различий мыслят иначе, чем мы. Если мы признаем, что каждый из нас живет в своем социально сконструированном мире, не имеющем связи с реальностью, то мы оказываемся не способны к диалогу с Другим. Единственным путем к взаимопониманию является единство мира, в котором мы живем, единство реальности объектов и событий, которые нас окружают и наших возможностей действия в этом мире.

Теоретическая и практическая значимость диссертации

Теоретическая значимость диссертационного исследования обусловлена проведенной в нем экспликацией основных составляющих социально-конструкционистского подхода, формулировкой ряда аргументов в защиту позиции реализма против социально-конструкционистской критики классических эпистемологических понятий, уточнением понятий субъекта и познания в новой социокультурной ситуации, формулировкой дефиниции широко используемого понятия «социальной конструкции», демонстрацией актуальности сохранения классических эпистемологических идей и понятий в контексте так называемого «социального поворота» в эпистемологии.

К практической значимости диссертации относится возможность применения результатов исследований в рамках преподавания курсов по эпистемологии, истории и философии науки, психологии, социологии. Полученные результаты могут быть полезны для представителей всего спектра социогуманитарных дисциплин.

Апробация работы

Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите в секторе теории познания Института философии РАН. Основные положения диссертационного исследования нашли отражение в двух индивидуальных и одной коллективной монографии и 46 научных публикациях, из которых 17 статей опубликованы в изданиях, входящих в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов изданий ВАК и 1 в зарубежном издании, входящем в базу цитирования Scopus и приравняваемом к изданиям из Перечня.

Основные положения исследования были апробированы в форме докладов на ряде научных мероприятий:

Доклад «Проблема *Я* в конструктивизме» на научной конференции «Конструктивизм в эпистемологии и науках о человеке» – октябрь 2007 г., Москва, Институт философии РАН;

Доклад «Социальный конструкционизм в теории познания» на научной конференции «Эпистемология: новые горизонты» – июнь 2010 г., Москва, Институт философии РАН;

Секционный доклад «Личностная идентичность в междисциплинарной перспективе» на Всероссийской научной конференции «Проблема сознания в междисциплинарной перспективе» – март 2012 г., Москва, Институт философии РАН;

Секционный доклад «Personal identity in the age of mass communication» на XXIII Всемирном философском конгрессе “Philosophy

as Inquiry and Way of Life” – август 2013, Афины, Греция, Афинский университет;

Секционный доклад «Социальный конструкционизм: pro e contra» на Международной конференции «Социальная философия науки. Российская перспектива», ноябрь 2014 г., Москва, Институт философии РАН;

Секционный доклад «Эпистемологические проблемы сквозь призму социального конструкционизма» на VII Российском философском конгрессе «Философия. Толерантность. Глобализация. Восток и Запад – диалог мировоззрений» – октябрь 2015 г., Уфа, БашГУ;

Доклад «Является ли научное знание идеологической конструкцией?» на XV Фроловских чтениях – декабрь 2015 г., Москва, Институт философии РАН;

Доклад «К вопросу об исчезновении Я» на научной конференции «Субъективный мир в контексте вызовов современных когнитивных наук» – октябрь 2016 г., Москва, Институт философии РАН;

Доклад «Субъект в мире социальных конструкций» на 125-м заседании теоретического семинара «Проблемы рациональной философии» – февраль 2017 г., Москва, Институт философии РАН;

Пленарный доклад «Коммуникативная «перенасыщенность» индивида в информационном обществе» на X Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Искусственный интеллект: философия, методология, инновации» – май 2017 г., Москва, МИРЭА;

Секционный доклад ««Ситуационное знание» и идеал объективности в науке» – Всероссийская научная конференция «Философия науки и техники: вызовы информационных технологий» – июнь 2017 г., г.Вологда, ВоГУ.

Работа над данным исследованием также велась в рамках следующих научных проектов, поддержанных разными научными фондами и организациями:

2009-2010 гг. Проект РГНФ № 09-03-06637а «Эпистемология: новые горизонты» (исполнитель гранта).

2012-2014 гг. Проект РГНФ № 12-33-01098 «Научное творчество как объект междисциплинарного анализа» (исполнитель гранта);

2012-2013 гг. Проект МК-1212.2012.6 «Личностная идентичность и 'Я': современные аспекты исследований» (Совет по грантам президента РФ, конкурс по государственной поддержке молодых российских ученых-кандидатов наук) (руководитель гранта);

2015-2016 гг. Проект МК-3687.2015.6 «Социально-конструкционистский подход к проблеме сознания» (Совет по грантам президента РФ, конкурс по государственной поддержке молодых российских ученых-кандидатов наук) (руководитель гранта);

2016-2018 гг. Проект РНФ №16-18-10229 «Проблема субъективности в современном междисциплинарном контексте взаимодействия философии и когнитивных наук» (исполнитель гранта);

2016 г. Проект РГНФ № 16-03-00517а «Реализм в современной эпистемологии, философии науки и когнитивных исследованиях» (исполнитель гранта).

Также работа над данным исследованием велась в рамках двух зарубежных стажировок – научной стажировки в Австрийской академии наук (г. Вена, Австрия, 2010 г.) в рамках Соглашения о научном сотрудничестве между РАН и ААН (тема: "Исследование современных философских концепций личностной идентичности") и научной стажировки в Ганноверском университете им. Г.В. Лейбница (г. Ганновер, Германия, 2016 г.) (в рамках программы «EPSA Fellowships for junior philosophers working in Central and Eastern Europe») (тема: «Критический анализ социально-конструкционистского подхода к науке»).

Кроме того, некоторые результаты исследований использовались в рамках чтения учебного курса «Эпистемология» для студентов-бакалавров философского факультета Государственного академического университета

гуманитарных наук в 2012-2017 гг., курса «История и философия науки» для аспирантов социальных и гуманитарных специальностей, а также в ряде научно-популярных выступлений.

Структура диссертации

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы. Общий объем текста диссертации составляет 259 страниц, списка литературы: 39 страниц. Список литературы насчитывает 365 позиций.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** диссертации обосновывается актуальность темы исследования, анализируется степень ее научной разработанности, формулируется цель и основные задачи, раскрывается научная новизна, теоретическая и методологическая основа исследования, теоретическая и практическая значимость исследования. Выдвигаются основные положения, выносимые на защиту, даются сведения об апробации исследования.

Первая глава **«Понятие социальной конструкции и основные положения социально-конструкционистского подхода»** посвящена анализу понятия социальной конструкции и прояснению основных характеристик социально-конструкционистского подхода.

В параграфе **1.1. «Типы социальных конструкций»** дается определение понятия социальной конструкции и предлагаются три основных типа социальных конструкций: социальные институты, абстрактные понятия, и социальные смыслы, приписываемые объектам материального мира. Обосновывается, что именно третий тип социальных конструкций, в котором соединены предметы и феномены реального мира

и социальное отношение к ним, является наиболее проблематичным, и потому именно такое понимание социальных конструкций требует наиболее тщательного исследования. Демонстрируется, что такое понятие социальных конструкций наиболее широко обсуждается представителями социального конструкционизма.

В параграфе **1.2. «Дискурсы и голоса»** дается определение понятия дискурса, которого придерживается социальный конструкционизм и показывается связь подобного понимания дискурса с работами М. Фуко и М.М. Бахтина. Дискурс определяется как совокупность принятых определенной социальной группой в определенных социокультурных условиях способов говорения о мире в целом или о каком-либо отдельном объекте, а также совокупность социальных действий, обусловленных этими способами. Также проясняется понятие «голоса», используемое социальными конструкционистами: под «голосом» понимается право высказывания той или иной социальной группой своей версии видения мира, претендующей на статус «знания» о мире.

В параграфе **1.3. «Конструктивизм, социальный конструктивизм и социальный конструкционизм»** определяется место социального конструкционизма в рамках эпистемологического конструктивизма, выявляются его различия с социальным конструктивизмом. Показывается, что одним из существенных отличий социального конструкционизма от других видов конструктивизма является практически полный отказ от индивидуального субъекта и его участия в социальном конструировании реальности, вместо субъекта на первый план выводятся различные социальные практики, связанные с определенными социокультурными дискурсами. Конструктивизм делает акцент на индивидуальных конструктах, используемых познающим субъектом, социальный конструктивизм признает роль индивидуального субъекта в конструировании социальной реальности, но социальный конструкционизм отдает приоритет социокультурному контексту, в

котором осуществляется познание, полагая, что индивид не может отделить себя от той социальной среды, в которую он погружен, и, следовательно, мы можем иметь дело только с социальными конструкциями. Формулируются основные черты социального конструкционизма: 1) объективное, непредвзятое знание невозможно, любое знание зависит от *социокультурного контекста*, в котором оно возникает; 2) важнейшую роль в выражении этого социокультурного контекста играют *язык и языковые практики*; 3) особое внимание уделяется *проблеме самосознания человека и вопросу о существовании индивидуального Я*, постоянство последнего отрицается; 4) любое знание неразрывно связано с социальным действием.

В параграфе **1.4. «Истоки и генезис социального конструкционизма»** рассматриваются идейные истоки направления социального конструкционизма. Демонстрируется, что социальный конструкционизм сочетает в себе элементы европейского постмодернистского и постструктуралистского философских течений, марксизма, нео- и постмарксизма в сочетании с идеями различных общественных и политических правовых движений в США, в частности, феминистского движения, политики политкорректности, постколониальных исследований и т.п. Показывается, что социальный конструкционизм, появившись в качестве критики психологической науки и ее объектов (К. Герген), выходит на более широкую эпистемологическую и философско-научную проблематику, в результате чего социально-конструкционистский подход можно рассматривать как один из подходов, наиболее эксплицитно выражающих ключевые представления тех концепций неклассической эпистемологии, которые в исследованиях познания отдают приоритет социальным факторам.

Во второй главе **«Субъект как социальная конструкция»** анализируются различные аспекты проблемы субъекта представленного в

качестве социальной конструкции. В параграфе **1.1 «Социально-конструкционистская критика субъекта»** показывается, что широкое распространение социально-конструкционистских исследований является реакцией на засилье естественнонаучных исследований сознания человека, редуцирующих субъекта и все субъективные свойства к мозговым процессам. Дается краткий обзор представлений о социокультурном подходе к исследованиям сознания, эксплицируется соотношение понятий «субъект» и *Я*, а также выявляются два основных аспекта проблемы субъекта – эпистемологический и этико-политический. Показывается, что критика классического понятия *Я* характерна для ряда различных философских подходов, выявляются основные из них и обосновывается, что в социально-конструкционистском подходе представление о субъекте как социальной конструкции связано в первую очередь с лингвистическим конструированием: *Я* как социальная конструкция является, прежде всего, языковой конструкцией – грамматической единицей или рассказом-нарративом, и появляется в результате диалога.

В параграфе **2.2. «Социальное конструирование субъекта и дилемма “природа или воспитание”»** анализируются основные дискуссии в рамках соотношения социокультурных и природных факторов в становлении личности и *Я*. Особое внимание уделяется двум позициям, склоняющимся к доминирующей роли социальных факторов (К. Маркс, Э.В. Ильенков) и показывается их сходства и различия с социально-конструкционистским подходом к данной дилемме. Демонстрируется, что в данных концепциях субъект представляет собой деятельностное начало, которое конструирует и само себя, и мир вокруг себя, в отличие от социального конструкционизма, где субъект полностью подчинен дискурсу.

В параграфе **2.3. «*Я* как иллюзия или отсутствующее *Я*»** анализируются те концепции, которые предлагают отказаться от понятия *Я* или рассматривать его как нечто реально не существующее.

Анализируются эмпиристские концепции (Д. Юм, Э. Мах), рассматривающие Я как временный «пучок восприятий», буддистские представления о Я как иллюзии, постмодернистские концепции «смерти автора» и «смерти субъекта» (Р. Барт, М. Фуко). Показывается их связь (в первую очередь – постмодернистских идей) с социально-конструкционистским подходом к Я.

В параграфе 3.4. «Конструирование идентичностей» рассматривается предлагаемая социальным конструкционизмом замена понятия Я понятием личностной идентичности или набора различных идентичностей. Анализируется постановка проблемы тождества личности (личностной идентичности) у Дж. Локка и последующие дискуссии в аналитической философии XX в. Показывается, что социальные конструкционисты используют иное понимание идентичности, говоря о различных идентификациях индивида с разными социальными группами, в которые он включен – гендерными, национальными, профессиональными и т.п. Показывается, что идентичности в социальном конструкционизме конструируются и проявляются в коммуникативных актах, любая идентификация – это акт категоризации, приписывания себя к той или иной общности людей, находящейся в рамках определенного дискурса. Делается вывод, что исследования идентичности социальными конструкционистами полезны для современных исследований субъекта, т.к. сложность, размытость субъекта в современном обществе, социокультурные вариации понятия Я успешно объясняются через многообразие доступных индивиду идентичностей (идентификаций, позиций), которые, тем не менее, все объединяются в одной инстанции – субъекте.

В параграфе 2.5. «Роль языка в конструировании субъекта» дается анализ того, как с точки зрения социально-конструкционистского подхода, происходит языковое, коммуникативное конструирование субъекта. Демонстрируются влияние работ Л.С. Выготского, М.М. Бахтина, позднего Л. Витгенштейна, гипотезы Сепира-Уорфа на

социально-конструкционистское понимание роли языка в конструировании субъекта и Я. Анализируются идеи Р. Харре, рассматривающего Я как лингвистическую (грамматическую) конструкцию. Выдвигаются контраргументы против тезиса о том, что понятия Я и субъекта существуют только в европейской культуре, поскольку исторически укоренены в грамматических схемах европейских языков и в категориях европейской рациональности. В качестве главного контраргумента высказывается предположение, что схожесть телесного опыта людей, среды их обитания и возможностей действовать в ней является основанием говорить о схожести также опыта, описываемого в европейских языках как «Я» и «субъект», тогда как социокультурными различиями, которые получают отображение также в языковых культурах, в данной ситуации можно пренебречь. Показывается, что социальной конструкцией являются только термины «Я» и «субъект», но не лежащие за этими понятиями феномены.

В параграфе **2.6 «Я как жизненная история»** анализируется т.н. «нарративный подход», рассматривающий Я как жизненную историю, которая конструируется и реконструируется индивидом в ходе его жизни. Я-нарратив увязывает все события нашей жизни в единую систему, подобную логично построенной истории, а Я, т.о., является одновременно и ее героем, и ее рассказчиком. Показывается, что нарративного подхода придерживаются не только многие представители социального конструкционизма (Т.Р. Сарбин, М. Мэйр), но и представители конструктивистской психологии (Дж. Брунер), а также некоторые аналитические философы (Д. Деннет). Обосновывается, что понятие нарратива тесно связано с понятием личностной идентичности, основывающейся на человеческой памяти. Показывается, что в основу нарратива могут ложиться не только реальные, но и вымышленные воспоминания, но в то же время именно реальные события являются его основой, абсолютный произвол в построении такой истории невозможен,

следовательно, нарративная концепция *Я* не противоречит представлению о его реальности. Делается вывод, что нарративная концепция является одной из наиболее продуктивных концепций *Я* в рамках социально-конструкционистского подхода.

В параграфе 2.7. «Диалогическое *Я*» исследуется идущее от М.М. Бахтина представление о диалоге как необходимой составляющей *Я*-нарратива. Показывается, каким образом эту концепцию в социально-конструкционистском ключе развивают Г. Херманс (концепция «диалогического *Я*») и Дж. Шоттер (риторико-респонсивная концепция). Демонстрируется, что тот факт, что субъект основывается в своей деятельности и творчестве на своем опыте взаимодействий с другими людьми, не означает, что он не отвечает за *свои* идеи и поступки. Диалогичность *Я* не означает, что *Я* не существует, напротив, диалог должен вестись между двумя самостоятельными субъектами, он не существует сам по себе.

В параграфе 2.8 «Как возможно социальное конструирование субъекта?» суммируются основные черты социально-конструкционистского подхода к субъекту и дается критический анализ той позиции, которую выражает конструкционист К. Герген, утверждающий, что *Я* является не более чем носителем социальных отношений, постоянно трансформируемых в новые отношения, при отсутствии какого-либо постоянного «ядра» в центре этого «носителя». Показывается, что если следовать радикальным идеям социального конструкционизма и отказываться от понятий субъекта и *Я*, то это создаст риск утраты ответственности индивида за свои поступки. Демонстрируется, что социальный конструкционизм, тем не менее, предлагает ряд полезных идей, связанных с разработкой проблем личности, личностной идентичности, с критикой физикалистского и узко-когнитивистского отношения к исследованиями сознания.

В параграфе **2.9. «Субъект, личностная идентичность и Я»** предлагается авторская концепция личностной идентичности и показывается, что использование понятия идентичности вместе с понятиями субъекта и Я позволяет применять модель «расширенного» субъекта, учитывающую не только его внутренние состояния, но и его социальные связи, выраженные в разных идентификациях. Делается вывод, что именно в разработке проблемы различных социальных идентификаций и их связей с личностью и состоит полезный вклад социально-конструкционистского подхода в рассмотрение проблемы субъекта.

Третья глава **«Проблема познания реальности в мире социальных конструкций»** посвящена проблеме соотношения реального и социально сконструированного и дискуссиям реализма и антиреализма в эпистемологии и философии науки, где социальный конструкционизм рассматривается как наиболее яркий представитель антиреалистской позиции.

В параграфе **3.1. «Социальный конструкционизм в дискуссиях реализма и антиреализма»** определяется место социально-конструкционистского подхода в дискуссиях научного реализма и антиреализма в эпистемологии и философии науки. Показывается, что основной тезис социального конструкционизма в рамках дискуссий реализма и антиреализма можно выразить так: знание о том, что мы считаем существующим объективно и независимо от нас, на самом деле является знанием, которое отражает не реальность саму по себе, а сконструированные обществом представления об этой реальности. Отмечается, что социальный конструкционизм, выходя за пределы критики психологии как науки в область критики реальности объектов прочих наук, становится одним из главных участников т.н. «научных войн».

В параграфе **3.2. «Научные войны»** анализируются полемические дискуссии между научными реалистами и антиреалистами, развернувшиеся в западной научной и философской литературе в 1990-ые гг. и получившие название «научных войн». Рассматриваются основные события «научных войн» – публикация книги Н. Левитта и П. Гросса, «розыгрыш Сокала» и др. Показывается, что «научные войны» были сами по себе конфликтом сугубо политическим – противостоянием отдельных ученых-естественников (и их сторонников из области философии науки) против отдельных философов, культурологов, социологов и психологов. Главной целью ученых-реалистов была попытка отстоять право науки на то, чтобы считаться источником истинных знаний о реальности, тогда как социальные конструкционисты и постмодернисты обвиняли их в присвоении себе этого «эксклюзивного» права на истину. Конструкционистская критика, в свою очередь, предполагает отказ от идеологически ангажированных понятий истины и объективности и предлагает вместо их использования предоставить возможность каждой социальной группе высказать свое представление о реальности, отличающееся, возможно, существенным образом, от того, которое сложилось в традиции европейской науки.

В параграфе **3.3. «Релятивизм и демократия. К вопросу о толерантности и политкорректности»** анализируются проблемы толерантности и политкорректности, напрямую связанные с социально-конструкционистским подходом, предлагающим дать равное «право голоса» различным социальным группам. Показывается, что данные проблемы связаны с релятивистской позицией в научном познании. Анализируется роль инклюзивного языка в социальном конструировании. Обосновывается предположение, что политкорректный язык может не решить проблему «включения» представителя угнетенной группы в большинство, но, напротив, замаскировать реально существующую проблему, к примеру – перестав называть инвалида инвалидом, мы можем

перестать замечать его особые потребности и т.д. В связи с этим демонстрируется, что для изменения неблагоприятных социальных обстоятельств той или иной социальной группы недостаточно просто сменить ее наименование. Анализируются попытки «манипулирования» или «переписывания» различных фрагментов реальности с помощью изменения способов говорения о них – в качестве примера рассматривается история формирования «политкорректного» и «инклюзивного» языка и демонстрируется, что с помощью изменения наименований различных типов людей и социальных групп политкорректный язык старается изменить их место в социуме, придавая, таким образом, крайне высокий статус языковой реальности, подчеркивая, что, изменив ее, возможно изменить реальность за пределами социальных конструкций.

В параграфе **3.4. «Социальный конструкционизм и релятивизм»** рассматривается проблема релятивистских установок социального конструкционизма. В частности, показывается, что социальные конструкционисты (К. Герген, Дж. Шоттер, Дж. Поттер и др.) предлагают отказаться от понятия истины, которое рассматривается как инструмент идеологии, придающий весомость одной позиции в противовес другой, также ими ставится под сомнение возможность существования научной теории, в особенности – в гуманитарных науках, таких как психология. Показывается, что для конструкционизма социогуманитарные науки превращаются лишь в определенные социальные практики. Обосновывается предположение, что социальный конструкционизм может выражать не только релятивистскую позицию, но и агностицизм – так, с точки зрения К. Гергена, психологические процессы происходят и обладают какими-то реальными качествами, однако они остаются непознаваемыми в традиционном эмпирическом смысле, потому что все, что известно, определяется лингвистическими и социальными практиками. Показывается, что не только социогуманитарные науки, но и естественные

науки могут быть социально-зависимыми и ставится вопрос о том, должно ли признание факта влияния общества на деятельность ученого приводить к релятивизму или плюрализму в науке, предполагающему, что каждая социальная группа должна обладать своим «знанием».

В параграфе **3.5. «Феминистская критика науки: против объективности и в поисках “женского опыта”»** предпринимается попытка дать ответ на поставленный в предыдущем параграфе вопрос посредством критического анализа одной из разновидностей социального конструкционизма – феминистской эпистемологии и феминистской философии науки. Было показано, что данные направления хорошо служат в качестве примера социально-конструкционистского подхода к науке, поскольку в них разрабатывается общая для всех «маргинализованных» групп методология. Показывается, что центральной проблематикой феминистских исследований становится противостояние «властного» (доминирующего) дискурса, выражающего интересы большинства (либо исторически более приближенной к власти группы – как, например, мужчины в патриархальном обществе) и множества «маргинальных» дискурсов, выражающих альтернативные точки зрения. Раскрывается феминистская критика науки, выявляющая влияние «андроцентричного» (патриархального) мировоззрения на язык науки и основные характеристики и идеалы научного знания, такие как объективность, беспристрастность, само понятие рациональности, противопоставление субъекта и объекта исследования и т.д. Анализируются основные черты феминистской философии науки, особое внимание уделяется попыткам экспликации т.н. «женского опыта» и феминистской критике понятия объективности. Демонстрируется, что попытки противопоставить «женский опыт» «мужскому опыту» (который, по мнению феминистских исследователей, и лежит в основе европейской научной рациональности), оказались несостоятельными, поскольку никакого универсального «женского опыта» сформулировать не удалось: к примеру, опыт

африканских женщин оказывался ближе к опыту африканских мужчин, нежели опыту белых американок. Показывается, что феминистская критика науки имеет антиреалистскую и релятивистскую направленность, утверждая, что наука имеет дело не с реальными объектами, а с социальными конструкциями, и приближенные к власти социальные группы навязывают маргинальным группам, политическим и социальным меньшинствам, те социальные конструкции, которые отражают их представления о мире, выдавая эти социально-сконструированные представления за «истинные» и «объективные». Ученые представляются в социальном конструкционизме ангажированными, не способными вырваться из плена своих идеологических, политических пристрастий, культурных традиций, которым они следуют и т.д., следовательно, конструкционистами делается вывод, что идея нейтральности науки представляет собой иллюзию или миф. Показывается, что феминистская философия науки и эпистемология выступают как критические направления, но не предлагают взамен какой-либо состоятельной «положительной» альтернативной методологии научного исследования.

В параграфе **3.6. «“Ситуационное знание”»** рассматривается предлагаемая феминистской эпистемологией концепция «ситуационного знания», которую предлагается поставить на замену идеалу объективности. Показывается, что «ситуационное знание», в том виде, в котором его предлагает феминистская наука (термин предложен Д. Харэуэй), предполагает не просто сам факт социокультурной зависимости знания, сколько применимость понятия «знание» только для узко и жестко ограниченных социокультурных ситуаций, т.е. единая наука с этой точки зрения представляется невозможной, на ее место приходит множество знаний, претендующих на статус научных – так, становятся возможными наука мужчин и женщин, наука западная и восточная, наука коммунистов и демократов и т.п. Показывается, что «ситуационное знание» не может рассматриваться как *знание*, но скорее только как *мнение* той или иной

социальной группы относительно определенного фрагмента реальности. Демонстрируется, что социально-конструкционистское требование предоставить право голоса различным социальным группам часто игнорирует какие-либо критерии демаркации между научными и не-научными картинами мира, по сути, настаивая на том, чтобы в научное познание могли быть инкорпорированы элементы не-научных и даже нерациональных картин мира. Так, показано, что в рамках социально-конструкционистского подхода размываются и понятие «знания», и понятие «науки». Представителями этого подхода делается вывод, что наши знания о мире, включая научные, представляются социальными конструкциями, а те объекты, которые мы считаем существующими независимо от нас, на самом деле оказываются до той или иной степени тоже социально сконструированными и, как следствие, это означает, что они могли бы быть сконструированы иначе, и мы имели бы дело с другим миром, отличающимся от того, в котором мы обитаем сейчас. Делается вывод, что подобные идеи лишают нас возможности обладать даже каким-либо подобием объективного знания и, следовательно, сама ценность эпистемологии и научного знания ставится под сомнение, а дробление на множество «ситуационных знаний» приводит к невозможности сформулировать какие-либо обобщающие определения, что затрудняет возможность построения и развития науки.

В параграфе **3.7. «Реальность и социальные конструкции»** рассматривается проблема соотношения реального и социального сконструированного, в частности – дается краткий обзор споров о статусе реальности ненаблюдаемых научных объектов и показывается, что одним из важнейших критериев реальности объекта является возможность выявлять в ходе научного познания его новые качества, менять свои знания о нем. Обосновывается тезис, что тот факт, что мы конструируем эксперименты, выявляющие определенные объекты, и конструируем описывающие их теории, не опровергает реальности самих объектов.

Предлагается аргумент в защиту реализма, который можно сформулировать как аргумент «неполного знания». Согласно ему, объекты науки можно считать реальными, если мы не обладаем всей полнотой знания о них, и они способны предоставлять нам новое – ранее не существовавшее у нас – знание. Если же наше знание об объекте представляется окончательным, завершенным, полностью исчерпывающим – скорее всего это знание представляет собой социальную или индивидуальную конструкцию, но не внеположную человеку и обществу реальность. Следуя этому аргументу, указанные выше объекты фундаментальной физики обладают реальностью, поскольку знание о них не является завершенным и относительно них у нас остается множество непроясненных вопросов. Также делается вывод о состоятельности предложенной Я. Хакингом концепции референциального реализма и о том, что эффективное применение научных знаний и предсказательный успех науки также могут выступать в качестве аргументов, подкрепляющих реалистскую позицию в науке.

В параграфе **3.8. «Социальный конструкционизм: власть слов и слова власти»** рассматриваются два типа зависимостей социальных конструкций – «причинная» и «метафизическая» (С.Брок, Э.Мэйрс). В первом случае социум является причиной возникновения каких-то вещей, которые продолжают свое существование и вне социума (к примеру, ученые создают лазер, и он будет существовать даже в случае отсутствия тех, кто может им воспользоваться), во втором случае – социальные конструкции, такие как деньги, президенты и т.д. перестанут существовать если перестанет существовать общество. Делается вывод о том, что споры конструкционистов и реалистов, в основном, связаны с тем, что первые зачастую не делают различия между двумя этими типами зависимостей, сводя все к «метафизической», и полагая общество единственной причиной существования не только лазеров или консервных банок, а также денег и президентов, но в то же время и мужчин, женщин, негров, кварков,

космического излучения и т.п. Предполагается, что одной из причин этого является лингвистический характер описываемых социальными конструкционистами социальных конструкций: с точки зрения социального конструкционизма, именно то, *как* мы говорим о вещах, определяет реальность этих вещей. Эти слова ложатся в основу социальных договоренностей между людьми. Так, социальная реальность, по мнению конструкционистов, довлеет над всеми прочими типами реальности, именно в социальных отношениях решается, что мы будем считать реальностью, и это не имеет никакого отношения к тому, как мир устроен *сам по себе*. Наши социальные договоренности не просто определяют мир, полагают конструкционисты, но они могут его трансформировать. Показывается, что необходимо различать, как изменения описаний влияют на разные типы объектов, и приводится концепция «эффекта петли» Я. Хакинга, утверждающая, что объекты социальной реальности – люди, социальные группы – могут реагировать на описания, которые им даются и, в свою очередь, «подстраиваться» под эти описания, тогда как объекты материального мира такому эффекту не подвержены. Именно с «эффектом петли» связаны основные трудности, которые испытывает представитель социогуманитарных наук в попытке приблизиться в своих исследованиях к истине, которые, тем не менее, не должны приводить к отказу от ее поиска. Объекты материального мира «эффекту петли» не подвержены, они никак не реагируют на то, что мы думаем о них, или как мы их описываем. Наши описания являются социальными конструкциями – но не их референты. Дискурс власти, который, по мнению многих конструкционистов, влияет на процесс научного познания, тем не менее, не способен изменить реальность, лежащую за пределами слов, он может изменить только наше отношение к ней. Было показано, что требование социального конструкционизма об отсутствии «трансцендентально привилегированных описаний того, что мы

считаем существующим» (К. Герген)¹ несостоятельно, что предлагаемый конструкционизмом отказ от идеалов классической науки, таких как «истина» и «объективность» является неплодотворным, поскольку объективность науки поддерживается тем фактом, что научное знание, полученное исследователем с одними идеологическими/ культурными/ социальными обстоятельствами и установками, остается интерсубъективным, т.е. может разделяться исследователями с другими идеологическими/ культурными/ социальными обстоятельствами и установками, а истина как идеальная ценность является необходимым ориентиром для научного поиска.

В параграфе **3.9. «Социальный конструкционизм vs. реализм»** показывается, что то, что социально сконструировано необязательно является нереальным, к примеру, для того, чтобы попытаться разрушить социальные институты являющиеся социальными конструкциями, необходимо произвести вполне реальные действия в реальном мире. Демонстрируется, что сами социальные конструкционисты (в частности, К. Герген) сомневаются в том, что социальный конструкционизм и реализм имеет смысл противопоставлять. Показано, что социальные конструкционисты стоят на реалистических позициях относительно ряда объектов и явлений. Так, большинство конструкционистов являются реалистами относительно социальных отношений. К примеру, определенная физическая теория сконструирована на основе идеологии существующей власти и, следовательно, не имеет отношения к реальности, однако сама власть – реальна (хотя и является социальной конструкцией). Именно такие казусы делают социальный конструкционизм крайне противоречивым подходом, а противопоставление конструкционизма и реализма ставят под сомнение.

¹ Джерджен К. К культурно-конструкционистской психологии // Джерджен К.Дж. Социальный конструкционизм: знание и практика. Минск, 2003. С. 77.

В параграфе **3.10. «Ускользящая реальность»** показывается, что требование дать «право голоса» различным социальным группам с тем, чтобы они могли высказываться о науке, необходимо уточнить – несомненно, все социальные группы должны иметь право высказывать свои мнения, но для того, чтобы эти мнения могли расцениваться уже не как *мнения*, а как *знания*, необходимо обладать универсальным инструментарием, общепринятыми способами описаний тех или иных феноменов и действий, обладать общим языком науки, иначе, если каждый будет говорить на своем языке, отказываясь от существующих норм и стандартов, наука будет лишена возможности движения вперед, никакие коллективные действия в принципе будут невозможны. Также демонстрируется, что представления о том, что знания о материальном мире являются не более чем социальными конструкциями, безосновательно и даже вредно. Во-первых, социальная сконструированность теории об объектах материального мира не означает нереальности самих этих объектов. Во-вторых, даже сконструированные нами социальные институты обретают особую реальность, которую мы не можем просто отбросить, отказавшись от социальной конструкции. И, в-третьих, признание реальности мира, который окружает нас всех, и сходства наших возможностей взаимодействия с ним, независимо от того, к каким социальным группам мы принадлежим, является важнейшим основанием для нашей возможности взаимопонимания и диалога, и таким образом проблемы эпистемологии и философии науки превращаются в проблему совместного бытия людей.

В **Заключении** диссертации автор формулирует основные выводы проведенного исследования, обосновывающие вынесенные на защиту положения.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

Монографии:

1. *Загидуллин Ж.К., Иванов Д.В., Труфанова Е.О.* Сознание: объяснение, конструирование, рефлексия. М.: ИФ РАН, 2016. 169 с.
2. *Труфанова Е.О.* Единство и множественность Я. М.: Канон+, 2010. 256 с.
3. *Труфанова Е.О.* Субъект и познание в мире социальных конструкций. М.: Канон+, 2018. 320 с. (в печати).

Статьи автора в периодических изданиях, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК:

1. *Труфанова Е.О.* Единство и множественность Я в социальном генезисе сознания // Эпистемология и философия науки. 2006. №4. С. 154–167.
2. *Труфанова Е.О.* Идентичность и Я // Вопросы философии. 2008. № 6. С.95–105.
3. *Труфанова Е.О.* Конструктивизм в эпистемологии и науках о человеке // Философские науки. 2007. № 11. С.151–156.
4. *Труфанова Е.О.* Конструктивистский подход к Я // Философские науки. 2008. № 3. С.57–70.
5. *Труфанова Е.О.* Конференция по проблемам конструктивизма // Вопросы философии. 2008. № 5. С.175–179.
6. *Труфанова Е.О.* Кризис идентичности и становление множественной идентичности // Безопасность Евразии. 2006. № 3. С.83–99.
7. *Труфанова Е.О.* [Кризисная идентичность индивида в обществе потребления (выступление на круглом столе)] “Альтернативный капитализм” или альтернатива капитализму (Проблемы концептуализации современного развития). Окончание // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 8. С.98–115. (в

- соавторстве с Семененко И.С., Вайнштейном Г.И., Горичевой Л.Г. и др.)
8. Труфанова Е.О. О преимуществах и недостатках социального конструкционизма // Эпистемология и философия науки. 2015. № 1. С.32–36.
 9. Труфанова Е.О. Проблема Я и индивидуального бытия человека в философских традициях и культурах Востока // Безопасность Евразии. 2006. № 4. С.134–151.
 10. Труфанова Е.О. [Выступление на круглом столе] «Реалистический поворот» в современной эпистемологии, философии сознания и философии науки? Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. 2016. № 12. С.5–38. (в соавторстве с Лекторским В.А., Пружининым Б.И., Дубровским Д.И. и др.)
 11. Труфанова Е.О. Рец. на книгу: Интерсубъективность в науке и философии // Вопросы философии. 2014. № 9. С.182–184.
 12. Труфанова Е.О. «Ситуационное знание» и идеал объективности в науке // Эпистемология и философия науки. 2017. № 4. С.99–110. (в печати)
 13. Труфанова Е.О. Социально-конструкционистский подход к сознанию в контексте классической и современной философии // Философия и культура. № 6 (102). 2016. С.785–796.
 14. Труфанова Е.О. Ускользящая реальность и социальные конструкции // Философия науки и техники. 2017. Т.22. № 1. С.61–77.
 15. Труфанова Е.О. Человек в лабиринте идентичностей // Вопросы философии. 2010. № 2. С.13–22.
 16. Труфанова Е.О. [Выступление на круглом столе] Человеческая субъективность в свете современных вызовов когнитивной науки и информационно-когнитивных технологий. «Материалы круглого стола» // Вопросы философии. 2016. № 10. С.5–35. (в соавторстве с Лекторским В.А., Дубровским Д.И., Ивановым Д.В. и др.)

17. Труфанова Е.О. Я как реальность и как конструкция // Вопросы философии. 2017. № 8. С.100–112.

Статьи автора в периодических изданиях, включенных в международные базы цитирования, учитываемых ВАК:

1. *Trufanova E.* Epistemology and Philosophy of Science in Present Russian Philosophical Thought: Soviet Roots and Current Status // Archivio di Storia della Cultura – Anno XXVIII-2015. Pp. 261–287. (Scopus)

Статьи автора в прочих изданиях

Статьи в периодических рецензируемых изданиях:

1. *Труфанова Е.О.* Роль коммуникации в построении личностной идентичности. Философия науки. Вып. 17. Эпистемологический анализ коммуникации. М., 2012. С.128–142.
2. *Труфанова Е.О.* Социальный конструкционизм и исчезновение «Я»: критический анализ // Философские науки. 2016. № 8. С.114–123.
3. *Труфанова Е.О.* Я-нарратив и его автор // Философия науки. Вып. №15. М., 2010. С. 183–193.

Статьи в сборниках, коллективных трудах и пр.:

4. *Труфанова Е.О.* Дилемма «Nature vs nurture» в становлении личностных характеристик Я // Познание и сознание в междисциплинарной перспективе. Ч.2. М., 2014. С.27–67.
5. *Труфанова Е.О.* Индивидуальная (личностная) идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности. Т.1. Идентичность как категория политической науки. Словарь терминов и понятий. М., 2011. С.36–39.

6. Труфанова Е.О. Личностная идентичность в междисциплинарной перспективе // Проблема сознания в междисциплинарной перспективе. М.: Канон-Плюс, 2014. С.174–182.
7. Труфанова Е.О. Личностная идентичность как инвариант знания индивида о себе // Знание как предмет эпистемологии. М.: ИФ РАН, 2011.С. 169–188.
8. Труфанова Е.О. О некоторых аспектах релятивизма в социальном конструкционизме: политкорректность и феминистская философия // Релятивизм, плюрализм, критицизм: эпистемологический анализ. М., 2012. С.116–134.
9. Труфанова Е.О. Политическое vs эпистемологическое: релятивизм в социальном конструкционизме и феминистской философии // Релятивизм как болезнь современной философии. М., 2015. С.228–264.
10. Труфанова Е.О. Проблема Я в конструктивизме // Конструктивизм в теории познания. М.: ИФ РАН, 2008. С.133–152.
11. Труфанова Е.О. Социальное конструирование субъекта через призму медийных и сетевых технологий // Наука и социальные технологии. М.: ИФ РАН, 2011. С. 33–53.
12. Труфанова Е.О. Социальный конструкционизм в психологии и теории познания // Эпистемология вчера и сегодня. М.: ИФ РАН, 2010. С.139–156.
13. Труфанова Е.О. Социальный конструкционизм в теории познания // Эпистемология: новые горизонты. М.: Канон+, 2011. С.155–175.
14. Труфанова Е.О. Социальный конструкционизм в теории познания: истоки, проблематика, современный потенциал // Эпистемология: перспективы развития. М.: Канон+, 2012. С.389–400.
15. Труфанова Е.О. Социальный конструкционизм: истоки и перспективы // На пути к неклассической эпистемологии. М., 2009. С. 150–168.

16. *Труфанова Е.О.* Является ли научное знание идеологической конструкцией? // Ценностные основания научного познания. М., 2017. С.120–128.
17. *Труфанова Е.О.* Я как конструкция // Конструктивизм в эпистемологии и науках о человеке. М.: Канон+, 2009. С. 288–307.
18. *Trufanova E.* Personal Identity in the Age of Mass Communication // Philosophy: Theory and Practice. Moscow: IphRAS, 2013. P.87–90.

Тезисы и материалы докладов:

19. *Труфанова Е.О., Яковлева А.Ф.* Будущее субъекта в европейской культуре и рациональности // "Свое" и "чужое" в культуре. Материалы XI Международной научной конференции (г.Петрозаводск, 22-24 июня 2017 г.). Петрозаводск: ПетрГУ, 2017. С.15–16.
20. *Труфанова Е.О.* Коммуникативная «перенасыщенность» индивида в информационном обществе // Искусственный интеллект: философия, методология, инновации. Сборник трудов X Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Москва, МИРЭА, 27-28 апреля 2017 г. М.: Московский технологический университет (МИРЭА), 2017. С.258–262.
21. *Труфанова Е.О.* Конструирование личностной идентичности через призму медийных и сетевых технологий (тезисы выступления) // Философия в современном мире: диалог мировоззрений. Материалы VI Российского философского конгресса. Т.3. Нижний Новгород, 2012. С.224–225.
22. *Труфанова Е.О.* Плюралистичность идентичности в современном обществе // Материалы V Рос. филос. конгр. Новосибирск, 2009. С. 310–311.
23. *Труфанова Е.О.* Реальное или сконструированное? Критический анализ социально-конструкционистского подхода // Социальная

- онтология в структурах теоретического знания: Материалы VIII научно-практической конференции с международным участием 2016 года. Ижевск: Изд-во "Удмуртский университет", 2016. С.212–218.
24. *Труфанова Е.О.* "Ситуационное знание" и идеал объективности в науке // Философия науки и техники в России: вызовы информационных технологий. Вологда: ВоГУ, 2017. С.310–312.
25. *Труфанова Е.О.* Социальный конструкционизм: pro e contra // Социальная философия науки. Российская перспектива. Материалы международной конференции. Москва, 18-19 ноября 2014 г. Т.8. Секция 7. Конструктивизм vs реализм. М., 2014. С.21–23.
26. *Труфанова Е.О.* Эпистемологические проблемы сквозь призму социального конструкционизма // Философия. Толерантность. Глобализация. Восток и Запад – диалог мировоззрений. Тезисы докладов VII Российского философского конгресса. Т. 1. Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. С.97–98.
27. *Trufanova E.* Personal identity in the age of mass communication // XXIII World Congress of Philosophy. Philosophy as Inquiry and Way of Life. Athens 04-10 August 2013. Abstracts. Athens, 2013. P.732.

Статьи в электронных изданиях:

28. *Trufanova E.* A Reply to ‘The Destiny of Atomism in the Modern Science and the Structural Realism’ [Электронный ресурс] // Social Epistemology Review and Reply Collective. 2017. Vol. 6. № 3. P. 62–65. Режим доступа: <http://wp.me/p1Bfg0-3vL>, свободный. – Загл. с экрана. (Дата обращения: 31.08.2017)